

ПЕРСОНА

На днях у нее был день рождения. Но накануне, когда мы уже договорились об интервью в определенный день и час, случилось непредвиденное:

— Моя собачка, моя Кармен захворала! Она рожала не так давно и так болезненно перенесла это дело, что жутко разболелась... Я так переживаю, ко мне домой через каждый час приезжают ветеринары. Ужас! А тут я еще в Японии несколько дней была, а завтра рано утром уезжаю в Ленинград. Голова кругом!

И хотя со скрипом, но все же она согласилась на интервью...

— Елена Васильевна, а зачем вы столько работаете?

— А это уже от меня не зависит. Я должна отработать тот дар, которым меня наградила Господь. То есть отдать зрителю все что могу, до последней капельки. Но иногда устаю до безумия. Правда, никому об этом не говорю и мечтаю об отдыхе. После смерти...

— Может, просто пытаетесь убежать от одиночества?

— Да нет, что вы! Я не знаю, что такое одиночество. Да и вообще ничего не боюсь. Я же верующий человек... Меня по жизни Господь ведет.

— И когда вы, артистка, стали такой религиозной?

— Всегда была. Помню, во времена своей молодости чувствовала в себе какую-то невероятную силу и всегда молилась Господу. Просила только об одном — чтобы он дал мне силы лечить людей. Даже не знаю — откуда такое желание? А много лет спустя поняла: именно для исполнения моего желания Бог дал мне голос. Своим искусством я и лечу людей. Ведь ко мне после выступлений подходили мужчины и женщины, говорили: мол, лучше чувствовать себя стали и воспринимают жизнь совсем по-другому.

— Извините, но, насколько я знаю, религия и лицедейство несовместимы?

— Ну я же со сцены дарю людям радость, красоту, чистоту. Что в этом плохого? А искусство возвышает человека, очищает его душу. Так что между религией и искусством нет антагонизма. Знаешь, когда я пела в "Хованщине", у меня было такое ощущение, будто я на исповеди. Да-да, я переживала своеобразное очищение. Вся русская музыка духовная, глубокая. Но все же особенно я люблю петь Верди. Ощущая себя сильной, мощной, властной — как и вся музыка этого композитора. А вот изысканной и элегантной чувствую себя во французской музыке.

— Вы похудели почти на 30 килограммов. Но, говорят, оперная певица должна быть, скажем так, в теле. Поделитесь собственным опытом: когда ваш голос звучал лучше — до или после похудения?

— Да ну что вы! Для пения тела не имеют никакого значения. А то, что говорят многие, — все неправда. Мы поем не жиром, а мышцами. Я и сейчас слежу за собой. Придерживаюсь строгой диеты. Ем мясо, рыбу и все морское. А еще овощи, фрукты цитрусовые. И больше ничего.

— А спиртные напитки? Вы же дали согласие на производство вина под названием "Елена Образцова"...

— Это правда. Однажды один человек из Грузии попросил у меня разрешения на выпуск вина "Елена Образцова". Я согласилась. Сперва этот спиртной напиток продавали в Тбилиси, потом организаторы проекта захотели выйти и на российский рынок, но у них ничего не получилось. В общем, этого вина уже, по-моему, не существует вовсе.

— Какое же было вино "Елена Образцова": терпкое, сладкое, кислое?

— Совершенно потрясающее, вкусное грузинское вино. Впрочем, как и все вина, сделанные в Грузии.

Она покорила лучшие сцены мира: Коверт-Гарден, Ла Скала, Метрополитен-опера...

Но все же родным для нее так и остался Большой. Именно здесь она сделала головокружительную карьеру — от ленинградской скромницы до звезды мировой оперы.

Неспроста ее назвали "лучшей Марфой планеты" и "лучшей Кармен в мире".

Она и в жизни — холодная как лед и пылая как огонь — едина в двух лицах. Оттого и разгадать загадку под названием "Елена Образцова" не так-то просто...

ОБРАЗЦОВА ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

— Правда, что не только вино, но и планета названа вашим именем?

— Да. Это произошло в начале 80-х.

— А если представить невозможное: как бы вы обустроили свою планету?

— Ну, я бы все устроила так, как и наш Господь: населила хорошими людьми и устроила эдемский сад.

— То есть устроили бы рай?

— Во всяком случае, населила бы эту планету добром. Это уж точно. А еще любовью.

— Это то, чего вам больше всего не хватает?

— Что вы! В моей жизни все было хорошо. Я была счастливой и познала настоящую любовь. Очень любила своего мужа Альгиса Журайтиса. И до сих пор его люблю... Конечно, и страдала, и горевала, когда он ушел от нас... Но однажды посмотрела изумительный японский фильм, состоящий из пяти новелл. Одна из них просто гениальная: пришел в деревню странник, а деревня вся в цветах и люди в красивых одеждах, все улыбаются, и вокруг царит атмосфера всеобщего счастья. Путник спрашивает: "Что же случилось?" Ему отвечают: "Знаете, сегодня умер житель нашей деревушки". "Как странно, а почему вы так радуетесь этому?" — удивляется стран-

"Когда мы встретимся с Вишневской, ей будет неловко..."

ник. И ему объясняют: "Этот человек ушел к Богу, это же счастье..." Знаете, эти слова как бы вошли в меня, и я стала по-другому воспринимать жизнь. Я действительно уверена: если человек умирает, то он уходит в лучшую жизнь, к Богу. Страдания прекращаются...

— Елена Васильевна, поговорим все же о делах земных. Говорят, Роману Виктюку удалось вас порядком развратить: подстриг наголо, предлагал выйти на сцену голой и даже убедил сыграть садомазохистку?

— Из всего перечисленного правда только последнее. Роман

предлагал сыграть садомазохистку, я согласилась. Даже накупила в одном магазинчике специальных причиндалов... Ну, которые необходимы для садомазо. Но Роман передумал, и, к великому моему сожалению, спектакль не состоялся. Жаль, конечно, я очень хотела сыграть эту роль.

— А вы уверены, что у вас получилось бы сыграть садомазохистку?

— Конечно.

— Может, у вас с ней есть что-то общее?

— У меня с садомазохисткой? Нет-нет. Что ты! (Тут Елена Васильевна громко расхохоталась и безуспешно пыталась успокоиться несколько минут. — О.Х.) Ой, насмешила ты меня... А вообще, если речь идет о работе, то мы все немножко мазохисты, не жалею себя. Но, откровенно говоря, только во время работы на гастрольях я по-настоящему счастлива. Именно тогда я могу заниматься исключительно музыкой. Не то что в Москве — отвлекаюсь на безумное количество посторонних дел. Да, действительно, это самый настоящий садомазохизм...

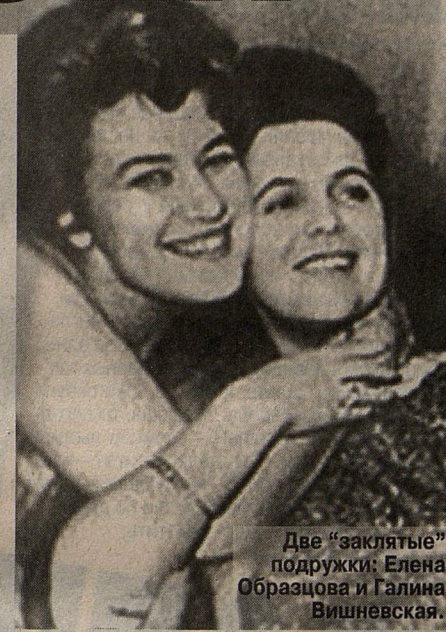
На гастрольях я даже могу позволить себе роскошь — пойти на спектакль к своим коллегам. Я совсем недавно ездила на гастрольи с Доминго, мы пели "Пиковую даму". Чудную постановку показали в Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Мадриде. Смотреть на то, как он работает, настоящее счастье! А только что я вернулась из Токио, где у меня состоялся дебют — опера Газзано Доницетти "Дочь полка". Я слушала потрясающего тенора по фамилии Флорес, он перуанец. Кстати, на сегодняшний день Флорес — один из самых выдающихся теноров в мире. Гениальный мастер!

— Елена Васильевна, извините, конечно, но вы всегда всех хвалите. Вы и вправду считаете, что все безгрешны?

— А я критиковать не люблю. Каждый человек, выходя на сцену, делает максимум того, на что способен. Требовать больше по крайней мере глупо. Поэтому и насчет критики я всегда очень осторожна.

— Но оперные певцы тоже могут совершить ошибку. Неужели с вами такого не случилось?

— Да все было. Главное — не заниматься самодержавием и не корить себя. Была такая великая певица Мария Каллас. Так вот, однажды, выступая в Ла Скала, она не взяла какую-то высокую ноту, и зрители ее освистали. Каллас подняла руку и сказала: "Кретины, я же нормальная женщина, и это может случиться с каждым. Маз-

Две "заклятые" подруги: Елена Образцова и Галина Вишневская.

стро, еще раз музыку!" И ведь на бис она все же взяла эту ноту...

А когда я пела "Норму" в Метрополитен-опера, страшно переживала, что не смогу взять самую высокую ноту для меццо-сопрано — до. Тогда мой друг, директор Метрополитен-опера, сказал: "Елена, если ты не возьмешь эту ноту — это же не значит, что начнется атомная война! Ну, три человека в зале знают, что ты должна взять именно ноту "до". Не возьмешь ее — возьмешь пониже". И я успокоилась... Ошибки — не криминал.

— Елена Васильевна, а почему вы сегодня не поете в Большом? Когда вы последний раз выступали с труппой театра?

— На сцене Большого я пела за два месяца до закрытия театра на реставрацию. Как известно, сегодня артисты труппы поют на Новой сцене Большого. Но там я петь не хочу — акустика плохая, да и само здание совершенно не приспособлено для исполнения настоящей музыки. Впрочем, так же как и сцена Кремлевского дворца. Правда, исполнение оперы на этой сцене — вынужденная мера: нужно же как-то выживать.

— Надеюсь, вы не обижены руководством театра?

— Не уверена, что я для них такой уж авторитетный человек. Относятся... по крайней мере с уважением. Конечно, сегодня руководству театра нужно заинтересовывать артистов оставаться именно в Большом. Между тем в наше время все, кто имеет возможность устроить контракт за рубежом, уезжают из страны и зарабатывают деньги. И поверьте, большая редкость — возвращение артиста в родные пенаты. Это очень плохо. И я очень благодарна Диме Хворостовскому, который всегда возвращается в Россию. Замечательный человек! Кстати, мне близка политика Валерия Гергиева: он отпускает своих певцов поработать в зарубежных театры, но очень просит возвращаться в Мариинский.

— Но вы же тоже уезжаете на заработки? Если вам предлагают гонорар за выступление гораздо меньший, чем вам бы хотелось, — откажетесь?

— Объясню. Есть такие гастрольи, когда просто-напросто нужно просить деньги за свои выступления. А иногда я даже соглашаюсь петь бесплатно... Для меня деньги не являются такой уж большой ценностью. Да и куда мне их тратить? Я ведь постоянно в разъездах и больше времени провожу в гостиницах, в спартанских условиях. Кроме того, не забывайте, я родилась в 39-м году, перед войной, и пережила голод, холод, блокаду... Да и после войны жили очень плохо. И я об этом всегда помню. Поэтому жалею бедных людей и много помогаю. Да и вообще, как только у меня появляются

деньги, я их тут же отдаю: и студентам, и на свои конкурсы. Вот, наверное, поэтому у меня никогда не бывает денег. Вроде бы и появляются, но тут же уплывают из рук. Да мне и не жалко.

— Елена Васильевна, у вас, наверное, железный характер? Говорят, с другим в Большом театре не выживаешь...

— Ну почему же? Конкуренции у нас не было. Я никому не мешала, и ко мне все очень хорошо относились. Да и у меня не было зависти к своим коллегам. Четко знала: то, что делаю я, не сможет сделать никто. А то, что умеют мои коллеги, я не сумею. Каждый одарен по-своему.

— Но в скандальной книжке Галины Вишневской "Галина" можно прочитать совсем о другом. А почему вы никогда не комментировали эту книгу? Ведь автор о вас, мягко говоря, совсем не лестно отзывался...

— Да зачем об этом говорить?

Из книги Галины Вишневской "Галина": "Я познакомилась с нею в 1961 году в Хельсинки на молодежном фестивале. (...) Я забрала ее в класс тут же в консерватории, где и проходил конкурс, и с тех пор по два раза в день стала с нею заниматься — в перерыве после четырехчасового утреннего прослушивания, вместо своего обеда, и снова, тоже после четырехчасового вечернего прослушивания, полумертвая от усталости, я тащила с нею в класс. Естественно, я занималась с нею бесплатно. (...) Когда через неделю она вышла в Большом зале консерватории — ее буквально нельзя было узнать, и она уже первой прошла на третий тур. Еще неделя занятий, и она получила первую премию. Я была счастлива за нее больше, чем за свои успехи. (...) И вот теперь эта Лена, которую я вытащила за шкуру, как тонущего щенка, и на пуховых подушках принесла в театр, бедная Лена с глазами, всегда готовыми для слез, пошла с доносом на Славу и на меня, так щедро дарившую ей самое дорогое, что у меня было, — мое искусство".

— Вам все равно?

— Ну, если человек говорит о ком-то плохо, он порочит только самого себя. Вот и все. И зачем об этом?

— Вишневская утверждает, что вы даже доносы писали...

— Никогда такого в моей жизни не было. Никогда. Но она же ведь сама себя наказывает, и не нужно на эту тему разговаривать... Знаете, я в себе уверена: никогда в жизни плохого не делала. Никогда! Просто потому, что я человек верующий... Думаю, что когда мы встретимся с ней там... Понимаете, что я имею в виду? Ей будет неловко. И не будем об этом.

— Тогда сменим тему. Ваша дочь пошла по вашим стопам. Как вы думаете, она состоялась как оперная певица?

— Конечно, когда несколько лет назад она самостоятельно приняла решение уехать в Испанию и там делать карьеру певицы, я переживала. В большей степени потому, что она не посоветовалась со мной. А теперь вижу — она добилась желаемого. Однажды она мне сказала, что даже когда поет совсем маленькие партии, уже счастлива. Лично мне кажется, что лучше всего она исполняет барокко.

— А вы часто с ней видите?

— Нет, не очень. Скучаю, конечно, безумно! Но дочка и внук навещают меня: приезжают в Россию на каникулы. И я к ним в Барселону езжу...

— А вы добрая бабушка?

— Я сейчас тебя убью! Какая я тебе бабушка? Закрой рот...

— Ой, извините, пожалуйста...

— Да ничего, все нормально. Когда внук называет меня бабушкой, я ему говорю: "Перестань, а то я буду называть тебя дедушкой".

— И как же он вас называет?

— Да бабушкой, конечно. Ну о чем ты говоришь? Я же не зануда. К тому же уверена: каждый человек живет своей жизнью. А в чужую вторгаться... ну, просто неприлично!

Оксана ХИМИЧ.

"Я познала настоящую любовь". С мужем Альгисом Журайтисом.